

Накануне Малого года одни радовались, а другие предавались глубокой печали, и уж кто-кто, а Фан Руи переживал сильнейший стресс.

Узнав о смерти отца, он в панике отдал приказ опечатать Варэньлоу и поспешно велел перевезти тело господина Фаня в резиденцию премьер-министра.

Приглашенный из резиденции врач осмотрел господина Фаня и вынес вердикт: тот переусердствовал со стимулирующими средствами, отчего исчерпал всю жизненную силу и скончался...

Смерть от старости и болезней — дело житейское, да и господину Фаню стукнуло уже за семьдесят. По меркам простых людей, это глубокая старость, которую можно считать радостным событием, но вот для Фан Руи это не сулило ничего хорошего.

Фан Руи поглаживал бороду, глядя на бездыханное тело отца, и его переполняла ярость.

В Великой Цзинь существовал свод правил под названием диню: если у чиновника умирали родители, он был обязан, вне зависимости от своего ранга, уйти в отставку на три года для соблюдения траура. По истечении срока траура подавался доклад на имя императора, который заново назначал чиновника на должность — это называлось возвращением к делам.

Исключение делалось лишь в том случае, если император действительно чрезвычайно ценил чиновника и даровал ему особое разрешение продолжать исполнение обязанностей в период траура — такое оставление на службе звалось доцин.

Однако со времен основания Великой Цзинь в стране почиталась сыновняя почтительность, а диню было заветом предков. Ни один из гражданских и военных чиновник не мог рассчитывать на доцин — все обязаны были добросовестно соблюдать траур. Единственным человеком, которому император позволил не прерывать службу во время траура, был учитель четвертого правителя Великой Цзинь, У-ди Цзинь, — знаменитый и всемогущий первый министр Пэй Юньмин.

Тогда подобное решение приняли лишь потому, что император был слишком мал, и потому Пэй Юньмину даровали особое помилование оставаться на посту премьер-министра.

Даже несмотря на это, Пэй Юньмин тогда подвергся жесточайшей критике со стороны цензоров.

В конце концов, Вэй Чжан делал вид, что ни во что не вмешивается, и вряд ли узнает о случившемся.

— После этого тайно перевезите тело вашего отца на его малую родину и тихонько похороните.

Когда Фан Руи вошел, Лю Ман еще не спал. Указывая на нескольких приемных сыновей, которые услужливо ухаживали за ним, он издал расслабленный, довольный вздох.

— С какой стати это обман государя? — Лю Ман скосил глаза на Фан Руи и недовольно произнес: — Это всего лишь вынужденная мера.

В это же время в Варэньлоу Чжуан Цзы и нескольких его учеников окружили правительственные солдаты.

Заметив пришедшего Фан Руи, Лю Ман оттолкнул ногами суетившихся рядом приемных сыновей, быстрыми движениями привел себя в порядок, встал, подошел к гостю и с улыбкой произнес: — Премьер Фан, что произошло?

Жалкое тело господина Фаня чуть не свалилось с кровати от пинка его собственного обожаемого сыночка.

Фан Руи во всех подробностях выложил Лю Ману историю с гибелью отца. Глаза Лю Мана забегали, и он понял, что дело принимает сложный оборот.

Лю Ман взмахнул зажатой в руке метелкой-фачэнь и произвел: — А кроме людей из вашего особняка и Варэньлоу, кто-нибудь еще знает онезапной кончине вашего отца?

— Если поступить иначе, неужели ты и вправду хочешь вернуться домой и три года носить траур?

— Сделайте всё чисто, и тогда можно будет ручаться за абсолютную безопасность.

Фан Руи испуганно воскликнул: — Взрослый чиновник хочет, чтобы я обманул императора?!

— Тогда всё намного проще, — в глазах Лю Мана мелькнул зловещий огонек, и он заговорил фальцетом: — Подкупите деньгами, принудите силой или устраните свидетелей, а затем пустите слух, что ваш отец вовсе не умер.

Ну надо же было умереть в такой момент! Фан Руи скрежетал зубами, испытывая лютую ненависть: и надо же было преставиться именно сейчас!

Если он вернется домой соблюдать траур, останется ли при дворе хоть клочок земли, где он сможет закрепиться? И как тогда удержать в своих руках всю эту власть и богатство?

Поразмыслив так и эдак, Фан Руи вызвал слугу и велел ему немедленно отправляться во дворец, чтобы обсудить с Лю Маном возможные пути решения проблемы.

Фан Руи покачал головой и ответил: — Никто, я послал людей опечатать Варэньлоу.

Стояла глубокая ночь. Лю Ман только что устроился на ночлег в боковом зале рядом с Залом Сюаньчжэн, чтобы на рассвете прислуживать императору на утреннем докладе, а заодно иметь возможность просматривать секретные документы и безжалостно задвигать в долгий ящик неугодные ему доклады.

При мысли об этом Фан Руи в ярости со злостью пнул ложе, на котором лежало тело господина Фаня.

Они с Фан Руи сотрудничали долгие годы: один при дворе, другой — во Внутреннем гареме возле императора. Они тесно и слаженно проворачивали самые разные дела, процветая на зависть многим. Если бы на место премьер-министра пришел кто-то другой, неизбежно началась бы жестокая борьба за власть.

А если Фан Руи уйдет в отставку соблюдать траур, и его кресло займет Сюй Инбай, совмещающий должности левого премьера, жить станет очень несладко.

К тому же Фан Руи не обладал ни всеобъемлющей властью, ни незаменимостью на посту премьера. Стоило ему уйти в траур на три года, как о нем все забудут. Но если не соблюдать траур — не позволят заветы предков, да и гражданские чиновники, военачальники, сам император и вдовствующая императрица тоже будут против.

Фан Руи не питал слабости к мужчинам, но при виде подобной картины в уголках его глаз невольно задергался нерв.

Те надрывали голоса, уверяя стражников, что не имеют никакого отношения к произошедшему, и требуя немедленно их отпустить. Однако стража ревностно выполняла свой долг и с места не сдвинулась.

Находившиеся в Варэньлоу девицы горько плакали, богатые покровители растерянно хлопали глазами, а некоторых и вовсе вытащили на свет прямо в расстегнутых штанах.

Фу Линъи бесшумно стоял на балке крыши и бросил телохранителю Теневого Отдела: — Возвращайся и доложи господину: Варэньлоу в осаде.

Телохранитель кивнул и в тот же миг исчез, словно растворившись в воздухе.

Варэньлоу находился на некотором удалении от резиденции Сюй, но стражник передвигался с невероятной скоростью, и не прошло и чашки чая времени, как он уже оказался в кабинете Сюй Инбая. Сам Сюй Инбай еще не ложился: спрятав руки в широкие рукава халата, он внимательно изучал донесение о военных действиях, присланное с заставы Цзяюйгуань.

Отраженный отблесками огня, его прекрасный, словно сошедший с картины профиль окрасился в теплые золотистые тона, а киноварная точка меж бровей казалась еще ярче и насыщеннее.

Стоило телохранителю замереть на месте, как Сюй Инбай чуть приподнял веки: — Что там?

Телохранитель ответил кратко и емко: — Варэньлоу окружен людьми премьера Фаня.

— Хм-м... — Сюй Инбай коротко усмехнулся, мгновенно разгадав план этой парочки. Во взгляде и в уголках его губ промелькнул морозный холодок, и он холодно произнес: — А у премьера Фаня и Лю Мана хватает смелости.

Провести всех у всех на глазах — отличный замысел.

Вот только хватит ли у них на это жизни.

Телохранитель не смел произнести ни слова. Украдкой бросив взгляд на ледяное выражение лица Сюй Инбая, он мысленно посочувствовал премьеру Фаню, которому предстояло пережить страшное бедствие.

Зажав в пальцах несколько черных камней, Сюй Инбай неторопливо стал возвращать их в чашу для го, после чего мягко произнес: — Устройте в Варэньлоу переполох, чем сильнее будет суматоха — тем лучше. Пусть все вокруг решат, будто господин Фан скончался, а премьер решил учинить расправу над заведением.

Телохранитель прижал кулак к груди и уже собирался удалиться, но Сюй Инбай окликнул его: — Стой. Передай людям из Теневого Отдела: пусть следят за резиденцией премьер-министра и пресекают любые попытки совершить что-либо подозрительное.

Телохранитель коротко отозвался и покинул кабинет.

Сюй Инбай потер озябшие ладони и отложил прочитанное донесение в сторону.

В прошлой жизни влияние Лю Мана и Фан Руи было слишком велико, и он тоже намеревался избавиться от них. Но, к несчастью, прямо во время болезни он подвергся покушению, едва не лишившему его жизни, из-за чего упустил момент. К тому же тогда Вэй Чжан, по всей видимости, уже раскрыл его истинную личность и, воспользовавшись его немощью, отобрал большую часть рычагов управления государством...

Что же касается дня сегодняшнего... Сюй Инбай ворошил угли в жаровне, заставляя их разгореться ярче, и медленно выдохнул. Сейчас складывалось самое благоприятное время, место и расположение людей — идеальный момент, чтобы ударить первыми.

В этот момент Фу Линъи по-прежнему наблюдал за происходящим с балки перекрытия. Телохранитель бесшумно спрыгнул рядом с ним и слово в слово передал приказ Сюй Инбая.

Фу Линъи крутил в пальцах метательный нож-ивовый листок, и при этих словах его зрачки опасно сузились. В следующий миг нож со свистом сорвался с места, перерубив свечу и глиняный кувшин с вином. Искры брызнули на винные лужи, и мгновенно взметнулось пламя высотой в два человеческих роста, с жадным треском пожирая красные шелковые занавеси и деревянные балки!

— Пожар! Пожар! Срочно тушите! — разнеслись крики.

Толпа в мгновение ока пришла в замешательство. Спрыгнув прямо в гущу обезумевших людей, которые не знали, куда бежать, Фу Линъи заочал во все горло: — Господин Фан умер в Варэньлоу! Премьер Фан собирается устроить дознание и сжечь заведение дотла! Вот почему он окружил его своими солдатами и подорвал здание! Бегите все, спасайтесь!

Если вдуматься, в этих словах не было особого логического смысла — в конце концов, кончина господина Фаня была связана исключительно с возбуждающими средствами. Но в условиях всеобщей паники, начавшегося пожара и окруживших здание правительственных солдат люди поверили услышанному на семьдесят-восемьдесят процентов. Каждый думал лишь о собственном выживании, и ситуация полностью вышла из-под контроля!

Охваченные ужасом толпы людей ринулись к выходу, никто уже не пытался тушить огонь, думая лишь о том, как унести ноги. Крики отчаяния, вопли и клубы густого черного дыма смешались воедино, и стражники были уже не в силах никого удержать. Чжуан Цзы метался из стороны в сторону, пытаясь пробиться к выходу, но его сбили с ног. Десятки ног пронесли в считанных сантиметрах от его тела, и Чжуан Цзы завопил от смертного ужаса. В следующий же миг чья-то сильная рука схватила его за воротник сзади и рывком поставила на ноги!

Широкий воротник так сильно сдавил горло Чжуан Цзы, что у него закатились глаза и он чуть не задохнулся. Фу Линъи волоком выволок его из охваченного пламенем Варэньлоу, а оказавшись у самого входа, просто швырнул оземь.

— Кхм... — Чжуан Цзы жадно глотнул воздух. С посиневшим лицом он, кашляя и спотыкаясь, кое-как поднялся на ноги и прохрипел: — Благодарю вас, благородный герой, за спасение...

— Тц, — бросил из темноты Фу Линъи холодным тоном: — Проваливай.

Не оборачиваясь, он зашагал прочь, оставив Чжуан Цзы в полном одиночестве дрожать на ледяном ветру Малого года.

Что за жуткий характер у этого героя!

Обладатель столь скверного характера после того, как выкинул Чжуан Цзы наружу, развернулся и направился напрямиком в резиденцию великого наставника.

В кабинете горел свет, и Сюй Инбай еще не ложился.

Когда Фу Линъи переступил порог, Сюй Инбай сидел в плетеном кресле, углубившись в чтение. Он был закутан в тяжелую лисью шубу, а на бедрах лежало старое шерстяное одеяло; его изящные пальцы перелистывали пожелтевшие страницы.

Дверь тихо скрипнула, и Сюй Инбай поднял глаза: — Всё сделал?

Фу Линъи послушно опустился на колени: — Всё готово.

— Как там Чжуан Цзы? — перевернув страницу, неторопливо поинтересовался Сюй Инбай.

Упрямый характер Чжуан Цзы делал его важной деталью разработанного плана, и хотя еще не было известно, пригодится ли он на самом деле, Сюй Инбай счел нужным поинтересоваться.

— Вытащил, — не моргнув глазом ответил Фу Линъи.

Сопровождавший его телохранитель молча поднял глаза к потолку, не смея проронить ни слова.

Да того чиновника чуть собственный командир до смерти не задушил! Непонятно, какие такие страшные обиды и счета были у их командира с этим бедолагой, раз уж уходя он умудрился еще и так жестоко его швырнуть.

Разумеется, вслух произнести подобное телохранитель не осмелился бы ни перед Сюй Инбаем, ни перед самим Фу Линъи, иначе тот мгновенно пустил бы в ход кинжал.

Их командир отличался свирепым и суровым нравом, во всем проявляя ненормальность, и лишь перед господином умел притворяться послушным... Они попросту не смели своевольствовать.

У Сюй Инбая от чтения немного устали глаза. Он отложил книгу в сторону, как раз в этот момент в кабинет вошел другой телохранитель и почтительно доложил: — Господин... Премьер Фан вывез тело своего отца.

Сюй Инбай с легким удивлением приподнял брови: — Вывез?

услышав это, Сюй Инбай невольно рассмеялся, но от смеха в грудь попал холодный воздух, и

он тут же зашелся в надрывном кашле. Фу Линъи резко вскочил, собираясь поднести ему чаю, но Сюй Инбай остановил его легким движением руки.

— Кхм, пустяки, просто поперхнулся ветром, — пояснил он, одновременно опустя поднятую руку вниз, призывая Фу Линъи не суетиться.

Этот жест он привык использовать в прошлой жизни, когда с таким трудом приучил Фу Линъи к послушанию.

Грудь Фу Линъи тяжело вздымалась, темные глаза сверкнули, но в конце концов он послушно опустился на колени.

Двое стоявших поодаль телохранителей лишь молча дивились увиденному.

— Пусть Теневой Отдел продолжит слежку. Как только тело вывезут за пределы Чанъани, отправьте людей перехватить гроб под видом горных разбойников, которые позарились на имущество, — мягко распорядился Сюй Инбай. — Хорошо еще, что сейчас стоит холодная погода, и труп не так быстро разложится.

Коль скоро Фан Руи решил действовать напролом, Сюй Инбай подумал, что ему вовсе не жалко сделать премьеру столь щедрый подарок.

Телохранители дружно отдали честь и тут же скрылись за дверью, оставив в кабинете лишь Сюй Инбая и Фу Линъи.

Прижав к груди грелку для рук, Сюй Инбай бросил взгляд на Фу Линъи и озадаченно спросил: — Что-то еще?

Взгляд Сюй Инбая был чистым и прохладным, сверху вниз он казался исполненным морозной строгости — особенно в сочетании с только что совершенным жестом. Фу Линъи на мгновение замер, перед его глазами словно смешались образы прошлого и настоящего, переноса его в прошлую жизнь. Он отчетливо помнил, как в первые дни рядом с Сюй Инбаем совершенно не слушался приказов: он совершал слишком много жестоких убийств. Сюй Инбай велел оставлять врагов в живых, но он все равно сворачивал им шеи. Вернувшись, Сюй Инбай нахмурился, глядя на стоявшего перед ним на коленях подчиненного, а затем грубо вцепился в его волосы, заставляя запрокинуть голову.

Его взгляд тогда был холодным, а голос — безжалостным: — Слишком много кровожадности, неподчинение приказам. На колени, подумай о своем поведении.

Тогда Фу Линъи простоял на коленях во дворе почти целые сутки.

И все это время Сюй Инбай наблюдал за ним.

Стояли лютые морозы, и Фу Линъи помнил, как, чтобы не потерять сознание и как следует проучить его, Сюй Инбай сидел под галереей, то читая книги, то играя в го недалеко от него, и каждые полчаса неизменно окликал его по имени.

Это было их противоборство, это было закаливание дикого сокола по имени Фу Линъи.

— Фу Линъи.

Сюй Инбай нахмурился и окликал погруженного в мрачные воспоминания юношу.

— Здесь, — машинально отозвался Фу Линъи.

— У тебя остались еще дела?

Фу Линъи покачал головой, а затем тихо произнес: — Сюй Инбай.

Сюй Инбай изогнул длинную бровь: — Мм?

Кадык Фу Линъи судорожно дернулся, а в голосе прозвучала какая-то болезненная, извращенная нежность: — Поздно уже, отдохните.

С этими словами он вихрем вылетел из кабинета, исчезнув за дверью быстрее, чем можно было моргнуть.

Прижав к себе грелку, Сюй Инбай остался сидеть в недоумении.

Теперь он уже точно не сомневался: что бы ни происходило, этот Фу Линъи действительно был ему предан и искренне заботился о его безопасности.

Но если сравнивать прошлое и настоящее, эти два Фу Линъи отличались друг от друга слишком сильно.

Сюй Инбай всё меньше и меньше понимал нынешнего Фу Линъи.

<http://bllate.org/book/18659/1798863>